

Дни проходили в мечтах о том, как арендовать ресторан после Нового года. Не успели они оглянуться, как настал двадцать девятый день двенадцатого месяца.

Сегодня был последний день, когда Цинь Ся и Лю Доуцзы выходили с торговыми прилавками — в следующий раз они появятся только на пятый день нового года.

С тех пор как Юй Цзюцюэ получил одобрение старого доктора Сюя на прекращение лечения, он стал каждый день приходить помогать. В руках у него всегда была маленькая переносная печка, так что он совсем не мерз.

Чтобы поблагодарить покупателей, на прилавке специально приготовили дополнительный поднос с пятью видами пирожных с начинкой из красной фасоли. Каждому, кто что-либо покупал, выдавали одно пирожное бесплатно. Эта мелочь особенно пришлась по душе мужчинам — сами они могли и не есть, но дома всегда находился кто-то, кто с удовольствием угощался. Тем более, если вещь бесплатная, кто откажется?

Примерно за полтора часа, когда луна уже поднялась высоко на небо, все продукты были полностью распроданы. Когда пришло время загружать тележку, каждый чувствовал себя необыкновенно легко.

— Муж, лови веревку!

Юй Цзюцюэ перебросил через груз на тележке пеньковую веревку к Цинь Ся. Они обмотали ее несколько раз туда и обратно, убедились, что все надежно закреплено, и только тогда перестали.

После этого Цинь Ся отправился помочь Лю Доуцзы. В последнее время среди инвентаря Лю Доуцзы, помимо железной плиты и деревянных коробок для тофу, появился новый предмет — суповой котелок с небольшой глиняной печкой. Все это использовалось для приготовления нового блюда, рецептом которого поделился с ним Цинь Ся — тофу на шпажках в курином бульоне.

В отличие от жареного тофу на плите для этого блюда использовался сушеный тофу, нарезанный на квадраты, которые скручивались и нанизывались на бамбуковые шпажки. Затем их варили в курином бульоне, а перед подачей добавляли ложку приправы, посыпали свежей зеленью и чесноком. Тем, кто любил острое, можно было добавить немного острого соуса. Одна порция стоила всего две медные монеты, а вместе с ней наливали ложку бульона, который приятно согревал и тело, и душу.

Тофу на шпажках сразу же стал хитом: после того как жареный тофу начали копировать другие торговцы, дела у Лю Доуцзы пошли на спад. Но новое блюдо моментально вернуло интерес покупателей. Попробовав вкус успеха, Лю Доуцзы стал готовить больше. Поскольку Фан Жун дома была свободна, они начали варить большую кастрюлю не только днем, но и на ночной рынок. К тому же Лю Доуцзы получал деньги за помощь в приготовлении куриных каркасов на железной плите для Цинь Ся. Теперь у него были небольшие сбережения.

С деньгами в кармане жизнь становилась лучше. Сегодня Цинь Ся и Юй Цзюцюэ уже слышали новость: тетушка Лю собирается устроить ему встречу с гером, с которым познакомила в прошлом месяце, сразу после Нового года.

— Моя мама вообще-то не собиралась шить мне новую одежду на праздник, — вздохнул Лю Доуцзы. — Но тетушка передала ей новость, и она сразу отправилась за тканью.

Сейчас эти «встречи» больше напоминали визиты к родственникам. Когда молодой человек входил в дом, стороны обменивались парой фраз, после чего девушки или геры дома скрывались из виду. Мужчина оставался, чтобы попить чаю и продемонстрировать свои манеры, а затем будущие родственники могли дать ему небольшую работу, чтобы оценить его трудолюбие. В это время потенциальная невеста или жених обычно наблюдали за происходящим из укромного места. Если обе стороны оставались довольны, переговоры продолжались. Если же нет — все заканчивалось на этом, чтобы не создавать несчастливый союз.

Как можно явиться на такое событие без новой одежды? Фан Жун, конечно же, очень переживала за сына.

- Похоже, если все пойдет гладко, в следующем году, глядишь, и на вашу свадьбу попаду, — с улыбкой заметил Цинь Ся.

В городе все было иначе, чем в деревне. Там для свадеб выбирали время, когда заканчивались сельскохозяйственные работы. А здесь, если пара взглянула друг на друга с одобрением, да еще и есть надежная сваха, чаще всего выбирали хороший день уже в этом году, если в семье не возникало непредвиденных обстоятельств.

Лю Доуцзы смутился, его лицо покраснело.

— Еще неизвестно, понравлюсь ли я ему, — пробормотал он.

Цинь Ся уловил в его словах скрытый подтекст.

— Почему ты думаешь только о том, что можешь ему не понравиться? А вдруг он не понравится тебе? — удивленно спросил он. — Или ты уже тайком пробрался взглянуть на этого герга?

Эти слова привлекли внимание Юй Цзюцюэ, который бросил на Лю Доуцзы испытующий взгляд. Тот быстро замахал руками.

— Как я мог так нарушить приличия! Просто, по словам тетушки, я вспомнил, что эта семья дважды приходила к нашему прилавку покупать тофу. Ну и... видел его тогда мельком.

Чем дальше он говорил, тем тише становился его голос. Но Цинь Ся и Юй Цзюцюэ, будучи старше, сразу поняли, в чем дело. Если бы тот молодой гер был заурядным, разве можно было бы вспомнить его после двух случайных встреч?

Цинь Ся многозначительно похлопал Лю Доуцзы по плечу.

«Этот парень, скорее всего, получит достойного супруга, — подумал он. — Не то что я...»

Его мысли скользнули к своей судьбе: столь хорошее, казалось бы, предназначение, а на деле — лишь пустая иллюзия, подобная цветам в зеркале или луне на воде.

Они шли, разговаривая, пока не подошли к перекрестку, где их пути разошлись. Пожав друг другу руки на прощание, договорились встретиться в новогодние праздники, чтобы навестить друг друга.

В канун Нового года.

Цинь Ся редко отдыхал, к тому же в доме не было старших, так что он надеялся вдоволь выспаться вместе с Юй Цзюцюэ. Но, как только наступил обычный час, его внутренние «биологические часы» заставили его проснуться.

Полежав немного, он понял, что сон больше не вернется, и смиренно встал с постели.

Юй Цзюцюэ, в отличие от него, был слаб здоровьем, боялся холода и любил тепло, поэтому каждое утро ему приходилось бороться с желанием остаться в постели. И этот раз не стал исключением.

— Который час? — спросил он, уловив шорохи от движений Цинь Ся.

Спросонья он медленно открыл глаза и сладко зевнул, выглядя так, словно прекрасно выспался. Кадык Цинь Ся слегка дрогнул от этого зрелища. Если бы Юй Цзюцюэ действительно был его супругом, он бы сейчас, не раздумывая, наклонился и поцеловал его.□□

К несчастью, он был всего лишь душой из иного мира, наделенной «всеведущим взглядом». Даже если сердце уже начинало трепетать, Цинь Ся знал: память Юй Цзюцюэ еще не вернулась, а любое действие с его стороны будет выглядеть как злоупотребление доверием. Даже если отбросить все сомнения и пренебречь последствиями, он не мог переступить через собственные принципы.

— Еще рано, — мягко сказал Цинь Ся, прикрывая свое замешательство привычной заботой. — Я, как только открою глаза, уже не могу спать. Пойду греть воду и готовить завтрак. Ты не торопись, отдыхай. Когда все будет готово, я тебя позову. Потом пойдем приклеивать праздничные надписи у входа.

Юй Цзюцюэ свернулся в одеяле, подтянув ноги к груди, его ступни касались все еще теплой грелки. За ночь она немного остыла, но остаточное тепло продолжало согревать.

Он моргнул, его длинные ресницы мягко взмахнули, будто укрывая легкую тень усталости, заметную лишь при ближайшем рассмотрении.

— В такой день, как канун Нового года, лениться не дело. Я с тобой, — сказал он, собираясь встать.

Цинь Ся, видя, что тот хочет скинуть одеяло, быстро подал ему теплую верхнюю одежду. Ее всю ночь прогревали на краю кана, так что она была мягкой и уютной.

Юй Цзюцюэ закутался в нее, потуже натянул рукава, и тепло мгновенно разлилось по телу, прогоняя остатки утреннего холода.

— На завтрак будет рисовая каша, заодно сделаем клейстер для весенних надписей. Что ты хочешь: лепешки или баоцзы?

Вчера вечером Цинь Ся поставил закваску, так что теста хватало на любое блюдо.

Раньше Юй Цзюцюэ не знал, как отвечать на такие вопросы, и все время говорил: «Что угодно», «Как захочешь». Но Цинь Ся объяснил ему, что для повара такие ответы — худшие, и теперь он всегда обдумывал выбор.

— Баоцзы, — ответил он с легкой улыбкой.

Последние несколько дней они часто ели лепешки, и Юй Цзюцюэ предположил, что Цинь Ся захочет разнообразия.

— Тогда сделаем баоцзы. Одни — с овощами и редькой, другие — с пастой из красной фасоли. Вчера для пятицветных пирожных приготовили слишком много начинки, осталась лишняя.

Утром перед обилием мясных и жирных блюд хотелось чего-то легкого. Юй Цзюцюэ тепло улыбнулся и кивнул:

— Хорошо.

Цинь Ся быстро оделся и вышел, чтобы начать приготовления. Юй Цзюцюэ остался, тихо выдохнув. Его лицо вдруг потемнело, лишенное той легкости, с которой он говорил до этого.

Канун Нового года — великий праздник, но накануне он снова увидел тот странный и

удивительно четкий сон, который не давал ему покоя последние дни. Теперь он был уверен: сны были связаны, а их содержание, скорее всего, касалось его утраченной памяти.

Вчерашний сон дал ему новые подсказки.

Пока Цинь Ся возился с водой и крупой, Юй Цзюцюэ потратил несколько драгоценных минут, чтобы вынуть из сундука лист бумаги и кисть, спрятанные в складке одного из его собственных халатов. На столе стояла чаша с холодной водой, оставшаяся с вечера. Он капнул немного на стол, смочил кисть и, проверив, что она готова к работе, быстро записал несколько знаков, понятных только ему одному. Такие записи он делал давно, и листы с подобными пометками постепенно заполнялись. Используя эти фрагменты, Юй Цзюцюэ шаг за шагом собирал разбросанные кусочки своего прошлого.

В момент, когда его лицо отразило глубокую задумчивость, снаружи прозвучал голос Цинь Ся:

- А-Цзю, переоделся?

Юй Цзюцюэ быстро спрятал бумагу и кисть, сдержанно ответил:

— Все готово.

Дверь, скрипнув, распахнулась внутрь. В этот момент Юй Цзюцюэ как раз закрепил свои волосы серебряной шпилькой, ничем не выдав волнения.

— Сегодня правда холодно, да еще и небо затянуло, — заметил Цинь Ся, заходя в комнату. — Кажется, скоро снег пойдет.

Вместе с ним в помещение ворвался морозный воздух, но вскоре его вытеснил пар от горячей воды, налитой из медного чайника.

Обычно все надеялись на солнечную погоду, но в канун Нового года выпадение снега считалось хорошим предзнаменованием — снег обещал изобилие в будущем.

Они быстро умылись, вылили грязную воду на улицу и отправились на кухню.

Цинь Ся занялся приготовлением завтрака, а Юй Цзюцюэ принялся смешивать корм для кур и гуся Дафу. С куриным кормом он отправился в задний двор, а гусиную еду оставил на полу кухни — Дафу сам ее нашел.

Перед уходом он оглядел стену, где обычно оставляли корм для кошки. Чашка снова оказалась пустой, но, сколько он ни высматривал, пушистого жильца так и не заметил.

После завтрака они взяли густой клейстер, табуретки и приготовленные парные надписи с иероглифом «Фу» для счастья, отправившись к воротам.

Встав достаточно рано, они оказались не единственными — в переулке уже многие соседи украшали свои дома. Поздоровавшись с семьей Вэй напротив и другими соседями, Цинь Ся первым развернул одну из парных надписей, примеряя ее к двери.

В прошлом году, будучи в трауре по бабушке Цинь, первоначальный хозяин тела провел Новый год в одиночестве, без каких-либо украшений. Но теперь, с Цинь Ся, праздник обрел новую жизнь и тепло.

Юй Цзюцюэ украдкой взглянул на соседские надписи: почти все были написаны аккуратно и без ошибок, но их явное сходство выдавали купленные в лавках готовые заготовки. Цинь Ся настоял, чтобы надписи для их дома написал Юй Цзюцюэ. Сначала тот чувствовал себя неловко: среди соседей были даже ученые, и если кто-то узнает, что надписи сделаны его рукой, это могло вызвать насмешки. Но во время написания Цинь Ся так его хвалил, что он не только перестал смущаться, но и обрел внутреннее спокойствие.

— А-Цзю, посмотри, ровно ли? — голос Цинь Ся вырвал Юй Цзюцюэ из раздумий.

Он отступил на шаг, внимательно осмотрел и кивнул:

— Ровно, можно клеить.

Получив одобрение, Цинь Ся с нажимом прижал красную бумагу к двери. По тому же принципу они приклеили вторую часть парных надписей, горизонтальную табличку и два декоративных иероглифа на створки.

— Старший брат Цинь, хорошие слова выбрали для надписей! Почему я таких не видела, когда покупала? — заметила проходящая мимо Цао Ашуан, обращаясь к своему мужу, Вэй Чао. Она знала лишь несколько иероглифов, включая свое имя, и теперь требовательно потянула его за рукав:

— Муж, прочти, что тут написано?

Вэй Чао вслух прочел текст, а Цао Ашуан, улыбаясь, заметила:

— Красиво звучит. Вы купили их на рынке у входа на улицу Любао?

Юй Цзюцюэ почувствовал, что будет неловко признаться, что он сам написал надписи, — выглядело бы как хвастовство. К счастью, Цинь Ся быстро нашелся:

— Я решил немного сэкономить, купил только бумагу и упросил А-Цзю написать.

Написал так написал, какое там «упросил», — подумал Юй Цзюцюэ, бросив едва заметный взгляд на Цинь Ся. А тот продолжал болтать с соседями:

— А-Цзю все твердил, что пишет плохо, боялся, что его засмеют, а я-то считаю, что получилось замечательно!

Раз уж Цинь Ся так сказал, никто не мог возразить. Особенно учитывая, что в глазах семьи Вэй и других соседей даже умение читать — большая редкость, а уж владение каллиграфией — и вовсе выдающееся достижение. Отношения между семьями были хорошими, поэтому похвалы сыпались не только от Вэй Чао и его жены, но и от матери Вэй Чао, Гэ Сюэхун, которая проходила мимо. Она тепло похвалила Цинь Ся:

— Какое счастье тебе выпало, такой супруг — и письменность знает!

Юй Цзюцюэ чуть ли не силой утащил Цинь Ся обратно во двор, боясь, что еще немного, и все жители переулка соберутся посмотреть на его самодельные надписи!

Когда дверь за ними закрылась, Цинь Ся все еще улыбался.

— Что так торопишься? Мы ведь еще фонари не повесили. Придется открывать дверь снова.

Юй Цзюцюэ зажмурился от досады: он совсем забыл про фонари! А всему виной было нескончаемое «хвастовство» Цинь Ся.

В итоге фонари повесил сам Цинь Ся, используя длинный бамбуковый шест. Юй Цзюцюэ наотрез отказался снова выходить, ведь даже через закрытую дверь он слышал, как по переулку бегали любопытные ребяташки, читающие вслух все встречающиеся парные надписи.

К счастью, после этого все внимание перешло на кухонные хлопоты. Остаток дня кануна Нового года, был посвящен готовке. Утренний и обеденный приемы пищи были простыми, зато удалось выделить время на расслабляющую ванну, по очереди искупавшись в бочке.

Цинь Ся заранее готовился блеснуть кулинарными навыками: хотя за столом было всего двое, он приготовил десять блюд. И это не считая пельменей, а также жареных закусок вроде махуа и санцзы.

К полудню погода преподнесла подарок — как и предполагал Цинь Ся, пошел густой снег.

— Снег! Снег! — радостные крики раздавались из разных уголков переулка.

Цинь Ся и Юй Цзюцюэ поспешили распахнуть двери кухни, чтобы взглянуть на это чудо.

Ветер ворвался в помещение, захватив с собой крупные снежные хлопья.

— Вот это да, и правда пошел снег, — удивленно воскликнул Юй Цзюцюэ, поймав на ладонь одну из снежинок и показав ее Цинь Ся.

Цинь Ся тоже подставил руку, но его ладонь была теплее, и хлопья тут же таяли. У Юй Цзюцюэ же снег задерживался чуть дольше.

— В Цинаньском уезде, если снег идет в Новый год, то всегда сильный. Пока не торопись смотреть, застудишься, — мягко упрекнул Цинь Ся.

В кухне было тепло, Юй Цзюцюэ даже распахнул свое пальто, а Цинь Ся и вовсе остался в одной рубашке. Глядя на его еще влажные волосы и легкую одежду, Юй Цзюцюэ быстро закрыл дверь. Цинь Ся снова рассмеялся, глядя на его заботливость. Цинь Ся явно переживал, чтобы Юй Цзюцюэ не простудился, но Юй Цзюцюэ первым делом подумал именно об его здоровье.

Они неспешно занялись приготовлением: мыли овощи, нарезали ингредиенты, месили тесто, разводили огонь. Гусь Дафу к этому моменту так устал наблюдать за ними, что свернулся в своем уютном гнезде из соломы и крепко заснул, сунув голову под собственное белоснежное крыло. Издалека он напоминал пушистый белый шарик.

К вечеру корзина наполнилась золотистыми жареными закусками, а несколько крупных блюд оставалось только довести до готовности.

— Начинаем? — спросил Цинь Ся, глядя на Юй Цзюцюэ.

— Да, давай, — кивнул тот, оценив время.

Для нового члена семьи, будь то невестка или муж, подготовка к празднику в доме мужа — важное событие. Но Цинь Ся, казалось, все брал на себя, избавляя Юй Цзюцюэ от лишних хлопот.

Один разжигал огонь и выполнял мелкие поручения, другой сосредоточился на готовке. Пламя в печи горело ярко, а сковороды и кастрюли наполнялись ароматными блюдами.

К праздничному столу они приготовили четыре мясных блюда: курицу «Три чаши», утку с цедрой мандарина, рыбу в кисло-сладком соусе и тефтели «Львиная голова». Два холодных блюда: огурцы с горячим маслом и рулетики из риса и тофу. Два овощных блюда: тофу на пару с яйцом и жареные овощи трех видов. Десерты: восьмислойный рис с орехами и фруктами, а также сладкий батат в карамели.

Когда Юй Цзюцюэ впервые увидел список блюд, написанный корявым почерком Цинь Ся, он чуть не потерял дар речи.

«Это что, ужин для двоих или меню для банкета в городском ресторане?» — подумал он.

Но Цинь Ся лишь уверенно ответил:

— Новый год — все-таки большой праздник. Какая разница, сколько нас? Не буду же я готовить всего четыре блюда и один суп, чтобы как-то отмахнуться от праздника. К тому же я не делаю много, что не съедим — останется на первый день нового года.

Все звучало логично, но Юй Цзюцюэ понимал истинный замысел: Цинь Ся хотел, чтобы он наелся досыта и попробовал все блюда. Особенно заметно это было по меню, где половина изысков была со сладким вкусом, что явно угождало вкусу Юй Цзюцюэ. После долгого лечения горькими травами он особенно тянулся к сладкому.

— А как же острое? Не добавим пару блюд с перцем? — спросил Юй Цзюцюэ, зная о любви Цинь Ся к пряным вкусам.

Но тот покачал головой:

— В Новый год не готовлю ничего слишком острого. Такой запах слишком резкий и раздражающий.

Так они и остановились на выбранном меню, а все закупки заранее были сделаны с расчетом на эти блюда. Среди всех блюд больше всего Юй Цзюцюэ поразили рыба в кисло-сладком соусе и батат в карамели. Первое — произведение искусства. Рыба обжаривалась во фритюре, а затем покрывалась соусом, благодаря которому принимала форму «рыбы, прыгающей через драконьи ворота», выглядя как живая. Второе же казалось настоящим волшебством. Обычный сахар превращался в тончайшие, словно паутина, нити, которые аккуратно обвивали кусочки батата.

Наблюдая за процессом приготовления, Юй Цзюцюэ не удержался и спросил Цинь Ся:

— Ты когда-нибудь будешь продавать эти блюда в ресторане?

Ответ Цинь Ся был кратким:

— Как захочу.

Юй Цзюцюэ улыбнулся. Такая уверенность бывает только у человека, который знает, что его умения стоят высоко.

К тому моменту, когда большая часть вечернего времени миновала, десять блюд оказались на столе. Прежде чем приступить к ужину, они вынесли небольшой столик, поставили на него таблички с именами предков семьи Цинь, выложили порции блюд в качестве подношения и зажгли благовонные палочки. Затем они встали рядом, почтительно поклонились и совершили ритуал.

Для Цинь Ся это был способ выразить благодарность первоначальному владельцу тела, благодаря которому он получил возможность начать новую жизнь, исполнив за него сыновний долг. Для Юй Цзюцюэ это было искреннее выражение признательности за то, что он стал частью семьи Цинь, даже несмотря на пугающие отголоски возвращающейся памяти. Он был полон решимости сделать все, чтобы их союз с Цинь Ся продлился как можно дольше.

На столах, поставленных вместе, не осталось свободного места. Один из них был ниже, другой — больше, но, учитывая, что гостей не было, на эти мелочи никто не обращал внимания. Отбросив мысли о прошлом, Юй Цзюцюэ улыбнулся, поднялся и принес небольшой кувшин с вином. Он бережно вынул тканевую пробку, и в комнату сразу же распространился тонкий аромат благородного напитка. Вино оказалось прозрачным, как вода, полностью оправдывая свою цену в один лян серебра за кувшин.

Юй Цзюцюэ наполнил чашку Цинь Ся, а тот налил ему подогретого рисового вина. Они сели друг напротив друга, и Цинь Ся первым поднял тост:

— Давай выпьем, чтобы начать праздник.

Пускай дом был тих и пуст, но легкий звон чашек и первый глоток вина наполнили вечер атмосферой кануна Нового года.

— Как тебе вино? — спросил Цинь Ся.

Юй Цзюцюэ кивнул:

— Вкусно. Немного сладковато, но не приторно.

Цинь Ся, выпивший свою чашку в пару глотков, получил новую порцию от Юй Цзюцюэ, который с улыбкой снова налил ему.

После «аперитива» они начали ужин.

Каждое из десяти блюд оказалось по-своему удивительным. Если раньше Юй Цзюцюэ находил слова для похвалы одному-двум из них, то теперь он просто замолчал от восторга.

Курица «Три чаши» отличалась глубоким, насыщенным вкусом. Утка с мандариновой цедрой радовала легкой цитрусовой свежестью. Рыба в кисло-сладком соусе оказалась даже вкуснее,

чем выглядела. Тефтели «Львиная голова» вызвали желание тут же добавить рис к каждому кусочку.

Цинь Ся, заметив, что Юй Цзюцюэ увлекся мясными блюдами, наполнил для него чашку тофу с яйцом. Это нежное блюдо, названное Цинь Ся «Взлетающая удача», скользило по языку и буквально таяло во рту.

Еще одно блюдо, жареные овощи «Три зимы», содержало зимние побеги бамбука, грибы и соленья. Хрустящая текстура и свежий вкус создавали ощущение приближающейся весны.

Юй Цзюцюэ наслаждался едой, но все же старался не есть слишком быстро, понимая, что вкус требует времени и внимания.

За разговорами и вином время незаметно текло. Когда стол уже наполовину опустел, а еды осталось немного, Цинь Ся выпил третью чашу вина, его глаза начали чуть блестеть от легкого опьянения.

Снаружи начали доноситься хлопки петард, смех и веселье. Цинь Ся, сделав глоток чая, чтобы освежить рот, предложил:

— Кажется, мы наелись. Может, выйдем повеселиться и запустить петарды?

Они заранее подготовились, купив целую гирлянду хлопушек и множество мелких фейерверков вроде «летающих обезьян» и «двойных взрывов», чтобы как следует отпраздновать этот вечер.

Юй Цзюцюэ посмотрел на стол с остатками блюд.

— Может, сначала уберем?

Цинь Ся махнул рукой:

— Потом. Ночью еще будем варить пельмени. Оставим все, разогреем, если что-то захочется.

Юй Цзюцюэ не стал спорить, и оба надели теплую одежду, чтобы выйти на улицу.

Веселиться с фейерверками было лучше всего там, где собирается больше людей. Цинь Ся прихватил связку хлопушек и длинную ароматическую палочку для поджига.

Как только они открыли дверь, на улице уже было шумно и дымно от повсеместных взрывов.

— Идите сюда! — раздался голос Цао Ашуан.

Они обернулись и заметили большой короб у ног Вэй Чао. Судя по виду, он приготовился запускать что-то грандиозное. Цинь Ся тут же потянул Юй Цзюцюэ к их компании, не забыв зажать уши.

— Бах! Бах! Бах!

Вэй Чао явно не скупился на такие развлечения. В то время как большинство соседей покупали лишь небольшие фейерверки ради детского веселья, их семья, без детей, могла позволить себе громкие, многозарядные устройства.

Когда первый фейерверк отгремел, его сменил следующий — дело передали младшему из семьи, Вэй Си, который вернулся накануне из торговой поездки.

Цинь Ся щедро раздал свою собственную связку петард, и вскоре в воздухе раздались оглушительные взрывы. Дым окутал переулок, так что лица напротив уже не были видны.

Цао Ашуан, хоть и веселилась от души, боялась участвовать, ограничившись тем, что бросала маленькие хлопушки о землю, как дети. Юй Цзюцюэ оказался смелее: он поджигал любые фейерверки, но каждый раз стремительно убегал обратно, когда фитиль загорался. В такие моменты Цинь Ся всегда обнимал его за плечи, притягивая ближе. Со стороны они выглядели как счастливая пара, а никак не люди, которые даже ночью спят под разными одеялами.

Когда весь их запас был исчерпан, осталась только длинная красная гирлянда, которую они решили оставить на полночь, чтобы отпраздновать смену года.

Насладившись общим весельем, соседи разошлись по домам.

Вернувшись, Цинь Ся и Юй Цзюцюэ, как по уговору, отправились на кухню. Там они начали замешивать тесто и готовить начинку для пельменей — самой важной части новогоднего ужина, без которой не обходится ни один праздник.

*Махуа □□

Санцзы □□

Курица 3 чашки ☐☐☐

Утка с мандариновой цедрой ☐☐☐

Рыба в кисло-сладком соусе ☐☐☐

Львиная голова ☐☐☐

Рулетки из огурца с тофу ☐ ☐ ☐☐ ☐ ☐☐☐ ☐☐ ☐

Тофу с яйцами на пару ☐☐ ☐☐

Овощи 3 зимы ☐ ☐ ☐

Рис 8 сокровищ ☐☐☐

Батат в карамели ☐ ☐ ☐☐

<http://bllate.org/book/13601/1206036>